

14. Человек в истории: источники о научной и инженерно-технической интеллигенции Казахстана. 1920–1950-е гг. Материалы Международной научно-практической конференции. Г. Алматы. 21 апреля 2017 г. Алматы: Print Expres, 2017. – 288 с. + вкладыш.

15. Н.А. Назарбаев. Взгляд в будущее: модернизация общественного сознания.// Казахстанская правда. 12 апреля 2017.

РЕПРЕССИИ В 1920-1930-Х ГГ. СРЕДИ КАЗАХОВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (НА ПРИМЕРЕ ТЮМЕНСКОЙ И НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТЕЙ)

Козыбаева М.М.

*доктор PhD, Костанайский государственный
педагогический институт, г. Костанай*

В отечественной науке особняком стоит проблема национального аспекта политических репрессий, особенно среди казахов Западной Сибири, территорией исторически связанной с Казахстаном. В Западной Сибири в данный период проживало около 100 различных национальностей, из них значительную группу представляли казахи. По приблизительным данным на территории Западной Сибири было репрессировано около 1 тысячи казахов. В относительном исчислении это самые высокие показатели по сравнению с другими представителями национальных меньшинств. Поэтому изучение репрессий среди казахского населения на основе ранее малоизученных архивных источников помогает выявить общие масштабы репрессивных мер против представителей отдельных национальностей.

Исследование проводилось в Западной Сибири: в приграничных районах Тюменской, Омской и Новосибирской областях, Алтайского края Российской Федерации. В целом, хотелось бы отметить, что обозначенная территория являлась исконно местом казахских кочевий и здесь издавна проживали казахи, основным занятием которых было скотоводство. Однако, намечались и процессы новых миграций в процессе экспериментов советской власти в сельском хозяйстве, по сути осуществляемых в репрессивном режиме, повлекших за собой огромные жертвы среди населения. В данной статье мы остановимся на изучении материалов, посвященных репрессивным мерам в 1920-1930-х гг. по отношению казахского населения Тюменской и Новосибирской областей.

Необходимо отметить, что согласно докладам татаро-киргизской секции АПО Сибкрайкома ВКП (б) губкомов и окружкомов Сибкрая в 1925 г. казахское хозяйство в связи с сокращением скотоводства, и недостаточным развитием земледелия подверглось упадку и повлекло за собой бедность населения [1]. Этому способствовали и репрессивные меры против казахского крестьянства, выражавшиеся в лишении гражданских прав, а также высылке баев и кулаков. Например, согласно материалам

Государственного архива Тюменской области, в 1926 г. за пределы Тюменского района были высланы с лишением избирательных прав зажиточные казахи аула Новые Юрты Хусаинов Альмутдин, Хайруллин Гибатулла, Антинаев Тимербулат, Аппасов Абулгафур и другие по причине причастности к торговле кожсырьем, скотом, занятию самостоятельным хозяйством. Все они имели большие семьи, но, несмотря на это были осуждены и отправлены в ссылки [2]

С целью избежать репрессий и последствий коллективизации усиливаются миграционные потоки на территорию Казахстана, которые местные власти пытались контролировать. Интерес представляет тот факт, что неоднократно постановлениями ВЦИК переселение в Казахстан извне запрещалось, однако переселение из Казахстана в пределы Омского округа было открыто согласно циркуляра НКЗ РСФСР от 12.2.1929 г. №39/ЗП. Несмотря на запреты миграции казахского населения Западной Сибири в пределы Казахстана имели место в связи с нарушением властями хозяйственного уклада казахов. Так в 1929 г. Петропавловский окружком исполкома Советов докладывал об имеющихся в связи с наступлением летнего периода фактов массового переселения казахского населения из пределов Омского округа на территорию Кызыл-тусского райисполкома и просил принять необходимые меры. Причины такого переселения: отсутствие культуры и переписки на родном языке, издания газет, преподавания в казахских школах, отнесение хозяйств имеющих 5-6 голов скота к кулацким, которые в условиях Казахстана считались бедняками; высокие сельскохозяйственные налоги, изъятие у казахов пригодных земель с целью передачи под совхозы и т.д. Омскому окрисполкому предписывалось принять срочные меры по ликвидации массового переселения целыми аулами. Иначе Петропавловский Окрисполком предлагал взять это обслуживание на себя с присоединением к Казахстану территории занятой казахским населением, что конечно не могло быть осуществлено практически [3].

В свою очередь территория Западной Сибири становится убежищем казахских переселенцев с территории Казахстана в период коллективизации и голода в казахской степи в 1932-1933 гг., явившихся результатом политики Малого Октября Ф. Голощекина. Как известно, от жуткого голода в Казахстане погибло и откочевало в соседние регионы боле двух миллионов человек. Так более 600 тысяч откочевали за пределы Казахстана. Беженцы из западных областей уходили в Иран, Афганистан, Туркмению. С юга и востока степи – в Монголию, Узбекистан, Киргизию, Китай. Казахи Среднего жуза, севера Великой степи, преимущественно арғыны, керей и кипчаки уходили в Россию [4].

Первые казахские семьи бежали в Сибирь уже в начале 1930-х гг., словно предчувствуя надвигающуюся катастрофу. Люди уходили тайно, бросив все нажитое имущество, глубокой ночью. Одним из первых в тюменском направлении скрылся с детьми и внуками Бокай Кожырбаев из рода нуралы-керей. По воспоминаниям семьи Букаевых, прадед покинул

родной аул Майбалык в Пресновском районе Северо-Казахстанской области весной 1930 г. В годы коллективизации и раскулачивания байских хозяйств казахи, боясь преследования, направлялись в сепкрай (северный край), где можно было затеряться в лесах и деревнях. Среди них: представители казахских семей Каймулиных, Торежановых и Кызылбаевых. Так, аул Балуан Сергеевского района Северо-Казахстанской области, землю рода кантайкерей, в те годы покинули и перебрались под Тюмень десятки семей [5]. В основном, это были состоятельные, зажиточные семьи, кто имел возможность и средства, чтобы скрыться. Поэтому нет ничего удивительного в том, что почти каждый тюменский казах заявляет о себе как о потомке «баев-кулаков». Именно по этой причине репрессии для казахского народа продолжают и на новых местах.

Масштабы репрессий достигают такого пика, что лимит в местных местах заключения превышают лимиты.

Так, в 1933 г. в письме начальника Управления Исправительно-трудовых учреждений ЗапСибкрая Лейбовича краевому прокурору Западной Сибири т. Баркову и председателю Крайсуда т. Бранецкому говорилось о том, Народным Комиссариатом Юстиции для закрытых мест лишения свободы Западной Сибири установлен твердый лимит содержания заключенных в размере 4800 ч. исходя из необходимости создания нормальных жилищно-бытовых условий л /свободы (не менее 2-х кв. м на человека). Именно эти цифры были установлены в порядке выполнения постановлений ЦК ВКП (б) и СНК СССР от 8 мая 1933 г. по вопросу разгрузки и приведения в надлежащее состояние мест лишения свободы. Однако, населенность домзаков значительно превышала норму, и вместо установленных лимитов 4800 чел. содержалось 6777 чел., т.е. превышало норму на 1977 человек. Отсюда следовало нарушение нормальных жилищно-бытовых условий. Перегруженность создавала ряд затруднений в вопросе снабжения продовольствием заключенных, т.к. снабжающие организации для закрытых мест отпускали продовольственные фонды только в пределах установленных лимитов. Именно поэтому начальники мест лишения свободы вынуждены были либо уменьшать установленную правительством норму питания, либо отправлять заключенных на открытые работы. Это приводило к ослаблению охраны и неизбежно увеличивало число побегов. В письме предлагалось максимально упростить порядок передачи контингентов осужденных на сроки 2 года и выше в лагеря ОГПУ, путем получения нарядов из ГУЛагов заблаговременно, с этой целью предоставить вагоны на перевозку заключенных и обеспечить конвой (Ф.1027, Оп.8. д.24, Л.48). В другом письме и.о. Предкрайсуда Пелевина народному судье Алтайского района ЗСК Т. Лихоманову говорилось о необходимости отработки колхозникам на срок до 6 месяцев с отбыванием их при колхозе, как и матерям с малолетними детьми, пенсионерам и инвалидам, а также отмечались ошибки и допущения, необходимость лечения больных туберкулезом и т.д. [6].

Крайне пренебрежительное отношение властей к казахскому населению проявлялось в элементарных ошибках в анкетных данных арестантов. Так, в 1934 г. в одном из документов Государственного архива Новосибирской области, в деле по Щербакульскому району говорилось о Мулдабаеве Мухамеджане. В ходе проверки было установлено, что фамилия его не Мулдабаев, а Мулдашев Мухамеджан. Мулдашев был осужден Нарсудом Исильского района 12.09.1929 г. к 5 годам лишения свободы за систематическую спекуляцию хлебом на протяжении ряда лет (15-20 раз), хотя по материалам дела установлен лишь один случай продажи 4,5 пудов хлеба 6.9. В итоге Крайсуд, изучив биографию осужденного, не нашел возможным утвердить приговор, и отменил его, направив для доследования. И это после фактического отбытия наказания [7].

Как известно, законодательной базой для расправы с неугодными, инакомыслящими и другими классовыми врагами послужили Постановления Президиума ЦИК и Совета Народных Комиссаров СССР от 1 декабря 1934 года, принятые в связи с убийством С.М. Кирова [8]. Тысячи невинных людей, отнесенных по надуманным основаниям к террористам, членам шпионских организаций, были расстреляны или приговорены к лишению свободы на длительные сроки. Осужденные были лишены конституционного права на защиту: дела рассматривались без их участия, адвокатов им не полагалось, приговор обжалованию не подлежал.

Пик репрессий пришелся на 1937-1938 годы. Основанием явился оперативный приказ №00447 Наркома Внутренних дел СССР Ежова «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов», которым была установлена разрядка на репрессии по категории так называемых антисоветских элементов. В течение четырех месяцев 1937 года планировалось репрессировать и расстрелять 3,5 тысячи человек, что было выполнено безоговорочно. Более того, от лица нового начальника омского НКВД Горбача в Москву летит телеграмма – просьба об увеличении лимита на расстрел до 8 тыс., Сталин собственноручно ставит резолюцию на телеграмме: за увеличение лимита до 9 тысяч [9, с.4].

Для рассмотрения потока дел на врагов народа создаются так называемые «тройки», в которые входили начальник НКВД области, первый секретарь обкома партии и председатель облисполкома. Так, например, омская «тройка» за период с 5 августа по 9 декабря 1937 г. подписала 50 протоколов, в них названо 17 тыс. 253 человека, к расстрелу приговорено 11 тыс. 91 человек. Так, например, только 10 октября по протоколу №31 проходили 1 тыс. 301 человек, к высшей мере наказания приговорено 937 человек [9, с.5].

В качестве обвинения была использована принадлежность к белогвардейскому заговору, все казахские организации были объявлены контрреволюционными, сфальсифицировано участие казахов в самых разнообразных террористических группах. Все дела были построены на показаниях, добытых преступными методами, шантажом обвиняемых и

членов их семей. В соответствии с секретным постановлением Политбюро ЦК ВКП (б) 1937 года, органам НКВД разрешалось применением «физических мер воздействия». Доведенные для отчаяния, подследственные подписывали все, что угодно: что они были одновременно и английскими, и германскими, и японскими агентами, называли вымышленных сообщников. Анализируя архивные материалы, естественно, не узнаем полную и истинную картину о методах добывания признания. Ведь в дело попадало лишь то, что хотел записать следователь. Необходимо заметить, что власть, проповедовавшая интернационализм, была последовательна: в списках репрессированных есть люди самых разных национальностей.

Среди репрессированных казахов основной контингент в социальном плане были представлены мирными скотоводами. Однако следователи НКВД обвиняли их в контрреволюционной деятельности, шпионаже, антисоветской агитации, и как следствие приговаривали к расстрелу или десяти годам лагерей. Так, Алтынбаев Абдулхак Аскарлович, 1895 г.р., с. Калтай Томского района Новосибирской области, проживал в г. Томске и был обычным ломовым извозчиком. Однако в 1937 г. был арестован и расстрелян как враг народа [10]. В качественном составе репрессированные казахи чаще всего представляли собой интеллигенцию, и в первую очередь, педагогов. Кроме того власть расправлялась с духовенством, православным или мусульманским. Таким образом, среди репрессированных и писатель Кошмухамед Кеменгеров, и юрист Турлыбай Айдарханов, и колхозник Газиз Сатпаев... И лишь процессы реабилитации позволили вернуть из бездны небытия имена, незаслуженно пострадавших в годы репрессий.

До сих пор еще история репрессий жива в памяти потомков репрессированных, однако ее надо успеть собрать. Необходимо активизировать работу по организации историко-этнологических экспедиций по сбору новых материалов по истории политических репрессий, активно привлекая учащуюся молодежь, а также потенциал общественных объединений и национально-культурных центров. Необходимо усилить систематический сбор, обработку и издание информации по освещению жизни и деятельности отдельных личностей, подвергшихся политическим репрессиям, нуждается в усилении работа по увековечению имен известных деятелей, подвергшихся репрессиям.

Список использованной литературы и источников:

1. ГАНО (Государственный архив Новосибирской области). Ф.П-2. Оп.2-1. Д. 1007а. Л.113
2. ГАТО (Государственный архив Тюменской области). Р-5, Оп. 5, 4. Л.1.
3. ГАНО, Ф.П-2, Оп. 1. Д. 3592. Л.40
4. Казахи Тюменской области: история, язык, культура. Коллективная монография / под ред. д-ра филолог. наук, проф. А.Г. Шайхулова. – Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2013– 120 с.
5. Откочевники. Летопись казахского колхоза имени Дальневосточной Красной Армии в Нижнетавдинском районе Тюменской области. 1938-1945 гг. – Тюмень: ОАО «Тюменский дом печати», 2010. – 144 с. – С.15.
6. ГАНО. Ф.1027. Оп.8. д.45, Л.16

7. ГАНО, Ф.1027, Оп.8. д.24, Л. 42
8. Ахметова Ш.К. Казахи Западной Сибири и их этнокультурные связи в городской среде. - Новосибирск: Издательство института археологии и этнографии СО РАН, 2002. – 101 с.
9. Боль и память / под ред. Бескимпировой А.К. – Петропавловск, 2007 – 332 с. – С.3-5
10. Боль людская. Книга памяти томичей, репрессированных в 30-40-е годы и начале 50-х гг. / Составители: В.Н. Уйманов, Ю.А. Петрухин. – Управление КГБ СССР по Томской области, 1991 – 400 с.

ПРИНУДИТЕЛЬНЫЕ МИГРАЦИИ В КАЗАХСТАНЕ: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ, ЭТАПЫ РЕАЛИЗАЦИИ И ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ

Марданова З.Ж.

*кандидат исторических наук, доцент
Павлодарский государственный университет
им. С.Торайгырова, г. Павлодар*

Вопросы, которые поднимает конференция, актуальны, несмотря на время, все дальше отделяющее нас от жизнедеятельности репрессивной системы и ее механизмов, но, к сожалению, не от тех разрушительных последствий как экономического, так и социально-политического свойства, которые повлекли за собой сомнительные социальные эксперименты и исторически неоправданные решения советского государства по принудительным миграциям. Данная тема представляет в рамках истории политических репрессий особый интерес, поскольку затрагивает важнейшие проблемы истоков сталинизма.

Наиболее тяжелым для общества в целом последствием можно считать перевод в маргинальное состояние, т.е. в периферийное, дискриминационное. Искусственная маргинализация приобрела в обществе колоссальные размеры и стала одним из способов решения политических и экономических проблем. Несомненно, миграции были одним из важных и устойчивых каналов формирования народонаселения в Казахстане. Здесь важен и демографический аспект проблемы. Если вспомнить о том, сколько кулаков, сколько немцев, корейцев и народов Северного Кавказа вобрал в себя за годы депортаций Казахстан, то думается, что демографический удар, полученный регионом в 1932–1933 гг. в результате голодомора и откочевки казахов, был скорее всего компенсирован и преодолен.

Депортации (насильственные миграции) — это одна из специфических форм или разновидностей политических репрессий.

Определяющими же особенностями именно депортаций как репрессий являются их административный (внесудебный) характер и их. Решения о депортациях принимались, как правило, руководителями партии и правительства, по инициативе органов ОГПУ–НКВД–КГБ. Это ставит